

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ двѣнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

22-го Сентября 1874 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1874 г. по 20 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 38.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Въ 12-ый день сего Сентября Государь Императоръ соизволилъ утвердить докладъ Св. Синода о вызовѣ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ Св. Синодѣ, Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго.

— № 40. Юня 9 дня 1874 г. *О книгѣ г. Роцина: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики, примененной къ учебнымъ предметамъ начальной образованія».* Св. Правит. Синодъ слушалъ предложенный г. Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 77, о допущеніи въ библиотеки духовныхъ семинарій составленной директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губ. П. Роцинымъ книги, подъ заглавіемъ: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики (изданіе 2. Москва. 1873 г.)», въ видѣ пособия для преподавателей педагогич. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій къ надлежащему исполненію, послать печатный указъ епархіальнымъ преосвященнымъ, съ приложеніемъ, въ копию, журнала комитета.

— № 45. Юля 15 д. 1874 г. *О допущеніи къ употребленію въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ «Практическаго курса греческаго языка» г. Григорьевскаго и «Латинской грамматики доктора Ф. Шульца».* Св. Правит. Синодъ слушалъ предложенныя Оберъ-Прокуроромъ два журнала Учебнаго Комитета, № 109 и 110, первый о возможности рекомендованія первой части составленной вол. совѣт. Григорьевскимъ книги, подъ заглавіемъ «Практической курсъ греческаго языка» — по Курціусу (ч. I Этимологія изд. 2. С.-Петербургъ 1872 г. II-я Синтаксисъ, изд. 1. С. П. б. 1872 г.) для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства по греческому языку, наравнѣ съ принятымъ уже по сему предмету руководствомъ Кюнера, а второй части этой книги — въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку, и второй — о рекомендованіи для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ «Латинской грамматики доктора Фердинанда Шульца», обработанной для русскихъ гимназій Ю. Ходобаемъ (изд. 2 испр. и пополненное. Москва. 1873 г.), въ качествѣ пособия при преподаваніи латинскаго языка. Приказали:

Заключенія Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія правленіямъ семинарій и духовныхъ училищъ, къ исполненію, препроводить, при печатномъ указѣ епархіальнымъ архіереямъ, въ копию, журналы комитета.

Мѣстныя Распоряженія.

— Утвержденъ членомъ благочинническаго совѣта, по Кобринскому благочинію, 17 Сентября, Кобринской соборной церкви протоіерей *Левъ Пашкевичъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ журнальнымъ опредѣленіемъ Литовской дух. Консисторіи, утвержденнымъ преосвященнымъ Евгеніемъ, епископомъ Брестскимъ, 13-го сего сентября, № 816, къ Чернавчицкой церкви, Брестскаго благочинія, крестьянинъ м. Чернавчицъ *Феодоръ Ѳомиинъ Рачковскій*; къ Жерчицкой церкви, Дрогичинскаго благочинія, 14 сентября № 821, за смертію бывшаго старосты Григорія Плешука, крестьянинъ с. Жерчицъ *Максимъ Ивановъ Крафтъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Пожертвованія.** На построеніе храма Живоноснаго Источника въ с. Годышевѣ, въ Бранскомъ приходѣ, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ., чрезъ посредство Виленскаго Св.-Духовскаго Братства поступили слѣд. пожертвованія: изъ СПб. отъ Ивана Александровича Варгунина 25 руб.; изъ Ярославля отъ Авдотьи Васильевны Колочевой 5 руб., изъ СПб. отъ тайн. сов. Черноглазова 10 руб., изъ СПб. отъ М. Веселовскаго 5 руб. и изъ Харькова отъ ст. сов. С. Соболева 13 руб.

— **Освященіе церкви.** 1-го сентября освящена Волковийскимъ благочиннымъ, въ сослуженіи 4-хъ священниковъ, отремонтированная на мѣстныя средства, древняя деревянная Левковская церковь, при стеченіи многочисленнаго народа. О. благочиннымъ К. Смольскимъ и мѣстнымъ священникомъ В. Красковскимъ были произнесены поученія.

— **Вакансіи—Священниковъ—въ м. Роговъ—** Вилкомирскаго уѣзда. **Исаломщиковъ:** въ с. *Колонтаевъ*—

Волковійскаго уѣзда въ с. *Голомысль*—Дисненскаго уѣзда, въ *Новоельнѣ*—Слонимскаго уѣзда, въ м. *Друскеникалѣ* и *Мостовлянахъ*—Гродненскаго уѣзда, въ с. *Забрезь*—Ошмянскаго уѣзда и въ м. *Роговъ*—Вилкомирскаго уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

Исторія и критика римско-католическаго ученія объ индульгенціяхъ.

Западная церковь, по отдѣленіи своемъ отъ Восточной, всѣ религіозные вопросы, осуждавшіеся и рѣшавшіеся прежде голосомъ вселенской церкви, предоставила рѣшать своей Иерархіи, изъ которой выдвинулся Римскій епископъ, какъ непогрѣшимый глава церкви. Окруживши ореоломъ непогрѣшимости своего епископа, римско-католическая церковь при рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ позволяла себѣ часто или отторгаться отъ основъ и источниковъ православной вѣры—св. писанія и св. преданія, и руководиться въ дѣлахъ вѣры однимъ разумомъ, или же, основываясь на св. писанія и св. преданіи, искажала ихъ, стараясь найти въ нихъ подтвержденіе своихъ вымысловъ. Вслѣдствіе этого съ теченіемъ времени въ римско-католической церкви явились разныя нововведенія и новые догматы вѣры, никогда не признаваемые православною церковію. Давая, ежели не исключительное, то слишкомъ большое участіе въ дѣлахъ вѣры разуму человѣческому, римско-католическая церковь внесла въ сферу религіозную элементъ чисто мірской. Такъ отношенія членовъ своихъ къ Богу она опредѣляла не на началахъ любви, на которой основываются и которою характеризуются эти отношенія, а на началахъ чисто юридическихъ. Она представила и представляетъ кающагося грѣшника должникомъ предъ Богомъ, оскорбленному правосудію котораго онъ долженъ принести личное удовлетвореніе (*Satisfactio*).

Ученіе римско-католической церкви о сатисфакціи есть видоизмѣненное ученіе православной церкви объ епитиміяхъ. Измѣненіе этого ученія послѣдовало на первыхъ порахъ самостоятельнаго существованія римско-католической церкви. Уже у Ансельма Кантерберійскаго (12 в.) мы находимъ довольно развитое изложеніе ученія объ епитиміяхъ, какъ вознагражденія за временныя наказанія, назначаемыя Богомъ человѣку за грѣхи послѣ его раскаянія, такъ что схоластики послѣдующаго времени при разсужденіи о сатисфакціи ссылаются и указываютъ на него, какъ на авторитетъ. Основаніе для ученія о сатисфакціи римско-католическіе богословы хотятъ видѣть, кромѣ св. писанія, въ святоотеческихъ твореніяхъ. При этомъ они соблазняются названіемъ епитиміи удовлетвореніями у Тертуліана, Кипріана, Амвросія и Августина. ¹⁾ Сущность ученія о сатисфакціи состоитъ въ томъ, что кающійся грѣшникъ, получая отпущеніе грѣховъ и вѣчнаго наказанія въ таинствѣ покаянія—благодатью, изливаемою по вѣрѣ его, долженъ послѣ этого лично удовлетворить правосудію Божию, оскорбленному его грѣхами. Удовлетвореніе это должно прямымъ образомъ состоять въ перенесеніи временныхъ наказаній, назначаемыхъ Богомъ въ этой жизни; но можно принести другое вознагражденіе за грѣхи въ виду добрыхъ дѣлъ епитиміи, изъ которыхъ по преимуществу римско-като-

лическая церковь предписываетъ постъ, молитву и милостыню. ²⁾ А такъ какъ по ученію римско-католической церкви, не всякій раскаявшійся грѣшникъ можетъ принести удовлетвореніе правдѣ Божіей въ этой жизни, то она переноситъ это удовлетвореніе въ загробную жизнь, отводя въ той жизни особенное мѣсто, чистилище (*purgatorium*), гдѣ ея члены должны претерпѣть разныя, смотря по грѣхамъ, мученія, подобно тому какъ, по гражданской юрисдикціи, неоплатный должникъ подвергается заключенію въ тюрьму на извѣстное время.

Начало ученія о чистилищѣ восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Мысль объ огнѣ, очищающемъ грѣшниковъ, въ первый разъ высказана была въ концѣ II и въ началѣ III вв. представителями александрійской школы—Климентомъ и Оригеномъ. Но ученіе этихъ церковныхъ писателей не тождественно съ католическимъ ученіемъ о чистилищѣ и далеко отъ него. Климентъ разумѣлъ тотъ огонь, «который освящаетъ не тѣла а души, не все пожирающій и обыкновенный, а умный огонь, проникающій душу, проходящую чрезъ него. ³⁾ «Оригенъ представляетъ огонь чистилищный матеріальнѣе, и очень не опредѣленно,—онъ сравниваетъ природу грѣха съ природою вещественныхъ предметовъ, не въ равной степени подлежащихъ истребительной силѣ огня,—каковы: дрова, сѣно и тростіе, упоминаемыя въ извѣстномъ мѣстѣ посланія Ап. Павла къ Коринѳянамъ ⁴⁾ и на основаніи этого сравненія выводитъ свое ученіе о различныхъ дѣйствіяхъ очистительнаго огня въ будущей жизни, сообразно съ свойствами и качествами очищаемыхъ ими грѣховъ, и о прекращеніи, въ силу этого наказанія огнемъ, будущихъ загробныхъ мученій. ⁵⁾ Мысліе Оригена, какъ извѣстно, осуждено было на пятомъ вселенскомъ соборѣ, и мысль о чистилищѣ, или точнѣе объ огнѣ очищающемъ грѣшниковъ, затронутая александрійскою школою, не нашла себѣ сочувствія въ древнемъ христіанскомъ мірѣ и не привилась къ ученію отцевъ церкви о будущей жизни. Отцы церкви, которыхъ цитуютъ католическіе богословы, говорятъ только о возможности для умершихъ грѣшниковъ переходить изъ состоянія наказанія и осужденія въ другое лучшее состояніе по молитвамъ и жертвоприношеніямъ за нихъ церкви и вѣрующихъ, и ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ ни объ очищилищѣ, ни объ огнѣ чистилищномъ. При разсужденіи о чистилищѣ католическіе богословы, считая особенно авторитетными блаженнаго Августина и Григорія Великаго, очень часто обращаются къ нимъ для подтвержденія своего ученія объ этомъ предметѣ. У этихъ церковныхъ писателей есть намекъ на огонь католическаго чистилища, но намекъ очень неопредѣленный и недостаточный для основанія цѣлаго уче-

²⁾ *Satisfactio*, по ученію римско-католической церкви, составляетъ третью часть таинства покаянія *post contritionem confessionemque, et est compensatio injuriae Deo nostris peccatis illatae*. *Catechism. conc. Trident. pars II, pp. 234 et 256.*

³⁾ *Nos dicimus, ignis sanctificare, non carnes, sed animos peccatrices; ignem dicentes non illum edacem, et omnia consumentem et plane sordidum, et illiberalem, seb pruquentem, qui percedit animam per ignem transeuntem*. *Strom. lib VII p. 851.*—Освященіе души огнемъ происходитъ, по словамъ Климента, «при приношеніи человѣкомъ безкровной жертвы (чистота сердца)». Огонь этой-то жертвы и проникаетъ душу человѣка, слѣдовательно онъ проникаетъ ее въ этой жизни.

⁴⁾ 1 Кор. 3, 13.

⁵⁾ Origen, *hom. in Exod. VI, p. 148.*

¹⁾ *Lieberm—instit. theolog. t. V p. 186 и 187.*

ніа. Твердаго и постоянного убѣжденія и серьезной мысли о чистилищѣ у этихъ церковныхъ писателей не было. Бл. Августинъ въ книгѣ «о вѣрѣ, надеждѣ и любви» даже прямо опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые допускаютъ очищеніе грѣховъ чрезъ огонь въ загробной жизни, считая это мнѣніе не согласнымъ ни съ словами Господа (Матѣ. 25, 41), который предназначилъ для грѣшниковъ— только вѣчный огонь, ни съ словами Апостола Павла (Кор. 6, 9—10), который говоритъ, что грѣшники, не очистившіе своихъ грѣховъ въ этой жизни, «не наследятъ царства небеснаго». ⁶⁾ Какъ Бл. Августина, такъ и Григорія Великаго нельзя главнымъ образомъ, присоединить къ основателямъ католической доктрины о чистилищѣ потому, что ни въ одномъ изъ ихъ сочиненій нѣтъ даже и намека на тотъ главный принципъ, который послужилъ впоследствии основаніемъ этой доктрины, именно, что безъ личнаго удовлетворенія за грѣхи, здѣсь ли на землѣ, или въ будущей жизни, эти грѣхи никогда не могутъ быть прощены. Такимъ образомъ основанія для католическаго ученія о чистилищѣ въ святоотеческой письменности нѣтъ; но не смотря на то, ученіе это, при постепенномъ развитіи, утвердилось въ Западной церкви, что объясняется обстоятельствами средневѣковой жизни. Средніе вѣка характеризуются временемъ варварства и господства грубой силы, личнаго произвола и кулачнаго права въ политическомъ отношеніи; эпохой широкаго распространенія суевѣрій, мистицизма и фанатизма—въ религиозномъ отношеніи; временемъ невѣжества, фантастическихъ бредней и схоластическихъ тонкостей въ умственномъ отношеніи. Всѣ эти элементы средневѣковой исторіи имѣли вліяніе на образованіе католическаго ученія о загробной жизни. Претерпѣвая разныя насилія отъ феодалныхъ владѣтелей, встрѣчаясь постоянно съ проявленіями ихъ грубой силы и ни чѣмъ не сдерживаемой воли, средневѣковый человѣкъ видѣлъ вокругъ себя опустошенія и разоренія. Картины широкаго произвола и господства грубой силы, убѣждая его въ той истинѣ, что все въ мірѣ непрочно, непродолжительно, обращали его мысль отъ интересовъ земныхъ къ интересамъ высшимъ, не зависящимъ отъ условій настоящей жизни, къ интересамъ религиознымъ. При такихъ обстоятельствахъ будущая жизнь должна была привлечь все вниманіе средневѣковаго человѣка, и онъ, постоянно обращая свой взоръ и направляя свою мысль за предѣлы настоящей жизни, старался какимъ бы то ни было путемъ разгадать тайны будущей жизни, которая представлялась ему съ совершенно другими формами и условіями, чѣмъ жизнь на землѣ, жизнь—подъ постояннымъ страхомъ за свою собственность и личное существованіе. При недостаткѣ научнаго свѣта здравыхъ идей, правильныхъ взглядовъ на вещи и общей умственной несостоятельности желаніе знать, какаѣ судьба ожидаетъ человѣка за гробомъ, и какъ снять завѣсу, покрывающую ее, у средневѣковаго человѣка доходило до болѣзненности, до галлюцинацій и самыхъ странныхъ появленій фантазій. Крайній и общій фанатизмъ, жертвою котораго нерѣдко бывали и разрушались города и цѣлыя провинціи, ежели усматривалось въ нихъ малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшности папы, вольные нравы и обычаи, еще болѣе усиливали стремленія средневѣковаго человѣка проникнуть въ тайны будущей жизни. Церковное ученіе объ этой жизни было ему неизвѣстно, да оно и не могло удовлетворить его стремленію—представить обстоятельно и съ подробностями будущую жизнь. Естественный и единственный исходъ нашло для себя это стремленіе

въ легендахъ, загробныхъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Эти легенды и сказанія о будущей жизни во множествѣ и быстро распространялись по всей западной Европѣ, пользовались большимъ уваженіемъ и широкою популярностію; такъ что когда еще идея чистилища не затрогивалась представителями католической церкви—средневѣковыми богословами, она уже овладѣла сознаніемъ средневѣковаго общества. Въ періодъ времени до 13 в. ⁷⁾ подняты были разныя загробныя сказанія и легенды самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства съ новыми варіаціями и комментаріями. ⁸⁾ Мало по малу въ средніе вѣка составилъ цѣлый эпосъ загробной жизни, обстоятельно и ясно представлявшій картины адскихъ мученій и райскаго блаженства. Въ этомъ эпосѣ на ряду съ раемъ и адомъ видѣлось и чистилище съ его основными чертами и принадлежностями; но только идея чистилища здѣсь не была еще выяснена определенно. Ясность, определенность и полнота католическая доктрина о чистилищѣ получила, когда перешла изъ области легендъ въ область схоластическаго богословія. Отвѣчая насущнымъ потребностямъ времени, средневѣковые католическіе богословы дали этому ученію послѣднюю законченную и во всѣхъ подробностяхъ определенную форму развитія. Чистилище въ католическомъ религиозномъ міросозерцаніи заняло отдѣльное самостоятельное мѣсто между раемъ и адомъ и послѣ собора Флорентійскаго ⁹⁾ сдѣлалось догматомъ католической церкви, который на соборѣ Тридентскомъ подтвержденъ и огражденъ анаѳемою ¹⁰⁾.

Ученіе о чистилищѣ въ достаточно полномъ видѣ находится изъ средневѣковыхъ богослововъ у Бернарда Клервоскаго и Бонавентуры, но съ особенною полнотою представлено оно у Тома Аквината. Послѣдній описываетъ чистилище такъ картинно, наглядно и съ такою дробностію, что, читая его, нивольно думаешь, уже не очевидецъ ли онъ всего описываемаго имъ. Онъ рѣшаетъ такіе вопросы, которые впоследствии сочтены вопросами любопытства. Римско-католическіе богословы позднѣйшаго и настоящаго времени занимаются только слѣдующими вопросами о чистилищѣ: 1) есть ли чистилище, и 2) души, находящіяся въ чистилищѣ, получаютъ ли облегченіе отъ претерпѣваемыхъ ими наказаній, влѣдетвіе пособій отъ вѣрующихъ, или чрезъ индულъ-

⁷⁾ X в. особенно замѣчательнъ по появленію легендъ о чистилищѣ, въ которыхъ мученія чистилищныя представлялись въ ужасающемъ видѣ, такъ что эти легенды до того запугивали средневѣковаго человѣка, что онъ боялся мученій чистилищныхъ болѣе, нежели мученій адскихъ, о которыхъ представленія его были сравнительно ограниченнѣе. При этомъ еще болѣе усиливало страхъ средневѣковаго общества то его убѣжденіе, что отъ адскихъ мученій можно избавиться молитвами церкви и ходатайствомъ святыхъ, а освободиться отъ чистилищнаго огня нѣтъ никакого средства,—чистилище представлялось ему неизбѣжнымъ. Hist. eccles. Mosheim. t II, p. 332.

⁸⁾ См. Вѣстн. Евр. 1866 г. декабр. ст. «Данте и символическая поэзія католицизма».

⁹⁾ Si vere poenitentes in Deo charitate decesserint antequam dignis poenitentiae fructibus de commissis satisfecerint et omissis, eorum animas poenis purgatorii purgari. Conc. Florent. decret 3.

¹⁰⁾ Si quis post acceptum iustificationis gratiam, cuilibet peccatori poenitenti culpam ita remitti, et rectum aeternae poenae delere dixerit, ut nullus remaneat reatus temporalis exsolvendae, vel in hoc saeculo, vel in futuro purgatorio, antequam ad regnam coelorum adius patere possit, anathema sit. Con. Trident. can 30.

⁶⁾ Enchirid.. sive de fide, spe et charitate, cc. 57 и 59.

генціи? Положительные отвѣты только на указанные вопросы и составляютъ догматъ католической церкви о чистилищѣ ¹¹⁾; а все прочее, что извѣстно о чистилищѣ, составляетъ частныя мнѣнія католическихъ богослововъ. Сравнивая католическое ученіе о чистилищѣ съ мытарствами, мы усматриваемъ, что между мытарствами, которыя признаются православною церковію, и чистилищемъ нѣтъ ничего общаго. Подъ мытарствами православная церковь представляетъ частный судъ надъ душами умершихъ, а чистилище есть среднее мѣсто между раемъ и адомъ, или среднее состояніе душъ усопшихъ; мытарства проходятъ души всѣхъ умершихъ, въ чистилище же поступаютъ души людей, не претерпѣвшихъ при жизни на землѣ временныхъ наказаній и не получившихъ полнѣйшей индульгенціи; мытарства проходятъ до 40 дней, въ чистилище находятъ гораздо долѣе; изъ мытарствъ лежитъ путь въ рай или адъ, изъ чистилища только въ рай; прохожденіе мытарствъ облегчаютъ однѣ молитвы церкви, а освобожденіе изъ чистилища получается, кромѣ молитвъ церковныхъ, чрезъ индульгенціи.

Поставивши своихъ членовъ въ юридическія отношенія къ Богу, римско-католическая церковь сдѣлала ихъ не оплатными должниками предъ Нимъ. Заставивши ихъ приносить Богу личное удовлетвореніе за свои грѣхи, она увидѣла, что человѣкъ никогда и никакимъ образомъ не можетъ лично удовлетворить оскорбленному правосудію Божию, и вслѣдствіе этого она старалась изыскать средство для успокоенія совѣсти безсильнаго и беспомощнаго грѣшника, не измѣняя при этомъ юридическихъ отношеній его къ Богу, — и вотъ такимъ средствомъ являются индульгенціи, основывающіяся на измышленной сокровищницѣ сверхдолжныхъ дѣлъ святыхъ, которая оказалась въ католической церкви, благодаря пелагианскому принципу, проникающему, какъ извѣстно все католичество ¹²⁾ и въ частности рѣзко высказавшемуся во взглядѣ католиковъ на добрыя дѣла.

Пелагій училъ, что природа человѣка не повреждена, что первороднаго наследственнаго грѣха нѣтъ, и что человѣкъ, получивши способность дѣлать добро, всегда можетъ его дѣлать, ежели только пожелаетъ. Это ученіе, опровергнутое Бл. Августиномъ, при обширномъ распространеніи его на Западѣ, опять скоро явилось въ измѣненномъ видѣ, какъ полупелагианство, и подъ покровомъ формулъ Августиновскихъ, съ удивительною скоростію, распространилось въ мірѣ христіанскомъ. Опасность этой системы обнаружилась особенно въ томъ, что представляя добро чѣмъ-то внѣшнимъ, какъ бы не зависящимъ отъ принциповъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ, эта система приписывала особенно большое значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ — соблюденію закона и епитиміямъ. Отсюда отъ численности добрыхъ дѣлъ извѣстнаго лица стали заключать къ святости его и скоро послѣ этого усматривали излишки добрыхъ дѣлъ. Что же касается до внутренней борьбы съ грѣховными наклонностями и пожеланіями, словомъ до нравственнаго возвышенія и усовершенствованія, то у Пелагія это отвергалось, такъ какъ по его мнѣнію, природа человѣка всегда и вездѣ одинаково совершенна и не повреждена. Пелагианству католичество обязано множественностью и разнообразіемъ обрядовъ и церемоній. Человѣкъ, воображая, что онъ можетъ и долженъ достигнуть благодати исключительно чрезъ добрыя дѣла, ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о выполненіи обрядовъ культа, вслѣд-

ствіе чего законъ обрядовый въ католичествѣ постоянно усложнялся. Ученіе Пелагія о добрыхъ дѣлахъ при католическомъ ученіи о личномъ удовлетвореніи (Satisfactio), должно было повліять на ученіе объ епитиміяхъ. Епитиміи (извѣстныя добрыя дѣла, или подвиги, назначаемые кающимся какъ духовное врачество), какъ исключительное средство получить благодать и удовлетворить правдѣ Божіей за грѣхи, получили на Западѣ особенное значеніе. Католики, оставаясь вѣрны принятому ими Пелагианскому принципу, при выполненіи кающимся епитиміей, слишкомъ много придавали значенія внѣшнимъ знакамъ раскаянія — слезамъ, посту, умерщвленію плоти и забывали о состояніи сердца, которое (состояніе) должно представлять истинное обращеніе. Такъ какъ исповѣданіе грѣховъ и выполненіе епитиміей могло считаться болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ борьба со грѣхомъ и искорененіе порока, то многіе, оставляя борьбу съ плотскими пожеланіями, думали удовлетворить правосудію Божію за грѣхи только цѣною плотскихъ умерщвленій. При такомъ порядкѣ дѣлъ епитиміи въ церкви Западной должны были умножаться и разнообразиться; кромѣ назначенныхъ церковію, нѣкоторые сами предписывали себѣ произвольно разные виды изнуренія плоти. Такая односторонность и крайность доведенная до послѣднихъ предѣловъ, должна была измѣнить убѣжденія народныя и произвести что нибудь новое, что дѣйствительно и случилось. Епитиміи, налагаемыя священниками, многіе почувствовали слишкомъ трудными для выполненія, и потому часто забывали ихъ, равнодушно относились къ нимъ. Лица духовныя, чувствуя, что чрезъ это власть ихъ ослабѣваетъ, старались поддержать ее и идею стараго порядка вещей и выдумали систему замѣна, извѣстную подъ именемъ индульгенцій.

Началась эта система съ того, что западнымъ духовенствомъ въ 8 в. распространено было оригинальное мнѣніе, по которому наказанія верховнаго судьи, назначаемыя неисполняющимъ закона его, можно предупреждать и уничтожать, принося достаточное количество даровъ Богу, святымъ, церкви и духовенству. Мнѣніе это сначала распространено было между немногими, и вслѣдствіе сего люди великіе и богатые, которые нерѣдко отличались жизнію беззаконною и развратною, отъ излишковъ своихъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ чрезъ наследство, или чрезъ грабежъ и хищничество, удѣляли приношенія святымъ, лицамъ управляющимъ церковію и блюстителямъ храмовъ, которые строились въ честь ихъ. Все это дѣлалось для того, чтобы избѣжать епитимій и наказаній, налагаемыхъ священниками за грѣхи, сдѣланные въ этой жизни, и избавиться отъ мученій, угрожающихъ въ жизни будущей ¹³⁾.» Въ девятомъ в. папа Левъ III ввелъ въ употребленіе грамоты, и основываясь на указанномъ мнѣніи, учредилъ продажу ихъ при церквяхъ ¹⁴⁾. Въ бытность свою въ Германіи, онъ (804 г.) при освященіи церквей давалъ множество индульгенцій вѣрнымъ ¹⁵⁾, участвовавшимъ въ торжествѣ освященія. Послѣ этого времени церковью, сообразуясь съ обстоятельствами и духомъ времени, говоритъ аббатъ Мицъ, по материнской своей заботѣ о христіанахъ, начала употреблять свою власть такъ, какъ до сего времени не употребляла, т. е. начала отпускать наказанія каноническія, назначая вмѣсто нихъ какое нибудь благо-

¹¹⁾ Perrone—Praellect. theolog., vol. 2, p. 308.

¹²⁾ Правосл. Собесѣдн. 1871 г. №№ 2 и 3.

¹³⁾ Hist. eccles.—Moscheim. t. II. p. 137.

¹⁴⁾ Bellarmin. t. III p. 654.

¹⁵⁾ Ann. eccles. Baronii.—804 an. I et IV.

честивое дѣло и удовлетворяя правосудію Божию излишкомъ заслугъ І. Христа и святыхъ Его. Мысль о такомъ удовлетвореніи правосудію Божию утверждена на соборѣ Миланскомъ, созванномъ Карломъ Баромеемъ. Объявляя юбилей, кардиналъ высказалъ эту мысль такъ: «средства получить отпущеніе грѣховъ—таинства крещенія и покаянія. Въ крещеніи мы получаемъ отпущеніе грѣха и всего наказанія; это таинство представляетъ смерть и воскресеніе І. Христа; въ немъ человекъ умираетъ для жизни прошедшей и воскресаетъ для новой и духовной. Въ таинствѣ же покаянія мы, хотя и получаемъ отпущеніе грѣховъ и наказанія вѣчнаго, но, не смотря на это, за нами остается временное наказаніе, которое необходимо требуетъ удовлетворенія, которое должно состоять изъ довольно трудныхъ дѣлъ и умерщвленій плоти, противныхъ грѣху и грѣховному положенію и удовольствію. По этому въ древности, когда благочестіе христіанское было довольно сильно—въ церкви выполнялись долгія и трудныя каноническія наказанія для удовлетворенія за грѣхи. Но такъ какъ немногіе въ силахъ достойно удовлетворить за свои грѣхи покаянными дѣлами, то милосердный Искупитель, по неизмѣримой своей благодати, далъ намъ средства для удовлетворенія, оставивши въ своей церкви духовное неопыненное сокровище безпредѣльныхъ своихъ заслугъ (страданій и смерти), благословенной Его Матери Дѣвы Маріи, Апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ. Это сокровище и это духовное богатство онъ предоставилъ раздавать князю Апостоловъ св. Петру и его преемникамъ—первосвященникамъ Римскимъ, которыхъ онъ поставилъ своими викаріями на землѣ и далъ имъ ключи царства небснаго и полную власть вязать и рѣшать»¹⁷⁾. Въ 13 в. Александръ Галесскій (doctor irrefragabilis) основалъ цѣлую доктрину о сокровищницѣ сверхъдолжныхъ дѣлъ и объ индульгенціяхъ¹⁸⁾. Въ 14 в. папа Климентъ VI боллюю «Unigenitus» утвердилъ это ученіе какъ истинное и достойное вѣры и съ этого времени оно имѣетъ силу догмата. Въ буллѣ «Unigenitus» Климентъ VI старался какъ можно яснѣе представить ученіе о сокровищницѣ церковной; такъ онъ говоритъ: «что І. Христосъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ нужно было для примиренія человека съ Богомъ. Одной капли крови достаточно было для этого, но Онъ пролилъ гораздо больше, чтобы основать для церкви сокровище, которое вѣчно не изсякнетъ. Сверхъдолжныя заслуги святыхъ и ихъ добрыя дѣла увеличиваютъ это сокровище. Управление этимъ сокровищемъ ввѣрено викарію І. Христа на землѣ. Онъ усволяетъ каждому грѣшнику за совершенныя послѣ крещенія грѣхи, заслуги Спасителя и святыхъ сообразно съ вѣрою и свойствомъ грѣховъ»¹⁸⁾.

(Продолженіе будетъ.)

Проповѣдничество во Владимірской епархіи въ 1873 году.

Во «Владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» напечатана обстоятельная вѣдомость о числѣ проповѣдниковъ и о количествѣ сказанныхъ ими проповѣдей по Владимірской епархіи въ теченіи прошлаго 1873 года. Основую для вѣдомостей послужили отмѣтки въ клировыхъ вѣдомостяхъ, дѣлаемые благочинными. Всѣхъ проповѣдей связано было

въ прошломъ году во всей епархіи 35,641: изъ нихъ 10,053 составлено самостоятельно, 566 произнесено экспромтомъ, т. е. безъ предварительнаго приготовленія на бумагѣ, и 25,022 сказано по печатнымъ книгамъ.

Не имѣя подъ рукою данныхъ о количествѣ проповѣдей, сказанныхъ въ другихъ епархіяхъ, не можемъ судить, на сколько владимірская епархія опередила въ дѣлѣ проповѣдничества другія епархіи или въ этомъ отношеніи отстала отъ нихъ. Оставляя это обстоятельство пока въ сторонѣ, мы не безъ удовольствія смотримъ на цифры, которыя показываютъ, что почти треть сказанныхъ проповѣдей составлена самостоятельно. Епархіальныя вѣдомости распредѣляютъ это общее количество проповѣдей по уѣздамъ Владимірской епархіи, и оказывается слѣдующее.

Если принять во вниманіе только количество произнесенныхъ проповѣдей, то первое мѣсто будетъ принадлежать уѣзду Александровскому (4284 проп.); за тѣмъ, слѣдуютъ уѣзды: Переславскій (3901), Суздальскій (3481), Юрьевскій (3417), Муромскій 3360), Владимірскій (3152), Ковровскій (3067), Покровскій (2318), Шуйскій (1907), Гороховскій (1815), Меленковскій (1682), Вязниковскій (1664), и, наконецъ Судогодскій (1593). Но такъ какъ количество проповѣдническаго матеріала, прежде всего, зависитъ отъ количества лицъ, трудившихся въ дѣлѣ проповѣди, то отъ сопоставленія количества проповѣдей въ каждомъ уѣздѣ, выйдетъ слѣдующій порядокъ уѣздовъ: 1) Переславскій (99 проповѣдниковъ, по 39^{40/99} проповѣди на каждого въ годѣ), 2) Александровскій (111) лицъ, по 38^{26/111} проповѣди на каждого), 3) Муромскій (98 л., по 34^{14/98} проп.), 4) Юрьевскій (121 л., по 28^{29/121} проп.), 5) Вязниковскій (61 л., по 27^{17/61} проп.), 6) Ковровскій (118 л., по 25^{17/118} проп.), 7) Гороховскій (74 л., по 24^{39/74} проп.), 8) Владимірскій (130 л., по 24^{16/65} проп.), 9) Покровскій (96 л., по 24^{7/48} проп.), 10) Меленковскій (70 л., по 24^{1/35} проп.). 11) Суздальскій (147 л., по 23^{100/147} проп.), 12) Судогодскій (71 л., по 22^{81/71} проп.), и 13) Шуйскій (110 л., по 17^{27/110} проп.). Эти данныя говорятъ, какъ видно, о неодинаковомъ усердіи проповѣдниковъ, живущихъ въ разныхъ уѣздахъ: тамъ, гдѣ по количеству трудящихся слѣдовало бы ожидать большей производительности, оказывается меньше труда и усердія, напримѣръ, въ уѣздахъ Суздальскомъ и Шуйскомъ. Отчего бы зависѣло это? Не отъ мѣстныхъ ли какихъ либо условій зависитъ эта меньшая производительность при большемъ, такъ сказать, количествѣ головъ и рукъ рабочихъ? Впрочемъ можетъ быть, это объяснится тѣмъ, что въ этихъ и имъ подобныхъ уѣздахъ было больше труда самостоятельнаго,—что тамъ проповѣдники говорили больше проповѣдей собственнаго сочиненія, чѣмъ сказывали съ печатныхъ книжекъ. Сказывать проповѣди собственнаго произведенія, разумѣется, составляетъ больше труда для проповѣдника, чѣмъ говорить готовыя по печатнымъ книжкамъ. Въ этомъ отношеніи первенство принадлежитъ проповѣдникамъ Юрьевского уѣзда (1197 проповѣдей сказанныхъ самостоятельно); а Владимірскій уѣздъ занимаетъ второе мѣсто, не смотря на лучшія условія дѣятельности, какія увидимъ ниже (1023); потомъ слѣдуетъ Суздальскій 989 проп.), за нимъ же—Переславскій (966), Муромскій (912), Покровскій (852), Александровскій (834), Меленковскій (752), Судогодскій (690), Шуйскій (689), Ковровскій (607), Гороховскій (586) и Вязниковскій (522). Изъ этихъ данныхъ видно, что сравнительно меньшая производительность проповѣдническая, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, не можетъ объяс-

¹⁷⁾ Encyc. theol.—Migne t. 27. p. 116.

¹⁸⁾ Hist. Reform.—Merle d' Avignon t. I, p. 56.

¹⁹⁾ Bellarm. t. III p. 656.

ниться показаннымъ обстоятельствомъ, т. е. тѣмъ, что въ такомъ то уѣздѣ сказано меньше вообще проповѣдей потому, что больше времени употреблялось на составленіе проповѣдей, а съ тѣмъ вмѣстѣ рѣже приходилось сказывать по печатнымъ книгамъ.

Повторяемъ, что эти данныя не могутъ вполне объяснить недостаточность проповѣднической дѣятельности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сравнительно съ другими; но они даютъ возможность судить о сравнительномъ усердіи проповѣдниковъ къ своему дѣлу. Проповѣдникъ, усердный къ своему дѣлу, никогда не пренебрегаетъ и печатными проповѣдями, если не имѣетъ времени составить проповѣдь самостоятельно. Сказываніе печатныхъ проповѣдей въ этомъ случаѣ даже желательно, тѣмъ болѣе, что оно не требуетъ особеннаго труда со стороны проповѣдника, занятаго и другими, не менѣе важными, дѣлами. Надо только пріобрѣсть умѣнье выбрать изъ множества готовыхъ проповѣдей одну и примѣнить къ нравственному состоянію слушателей. Поэтому, совершенно напрасно нѣкоторые проповѣдники какъ бы стѣсняются сказывать проповѣди по печатной книжкѣ и думаютъ, что ужъ если говорить, то говорить свое, а не чужое. Замѣтимъ, что самое-то умѣнье составлять и произносить самостоятельныя проповѣди вырастаетъ и вырабатывается болѣею частію тогда, когда проповѣдникъ обращается къ лучшимъ образцамъ церковной проповѣди и, по возможности, старается подражать имъ. Стѣсняться или какъ бы стыдиться произнести чужую, хотя и лучшую, чѣмъ своя, проповѣдь—непохвальная черта нѣкоторыхъ самообольщенныхъ проповѣдниковъ. На ряду съ такою и подобными непохвальными чертами довольно и отрадныхъ сторонъ въ проповѣдничествѣ владимірской епархіи, свидѣтельствующихъ объ особенной ревности и усердіи нѣкоторыхъ проповѣдниковъ къ своему дѣлу. Такъ, 566 проповѣдей произнесено экспромтомъ, безъ предварительнаго приготовленія ихъ на бумагѣ; сверхъ того до 20 или болѣе человѣкъ говорили экспромтомъ, но означили, сколько въ такомъ видѣ сказано ими. По крайней мѣрѣ, видно стремленіе нѣкоторыхъ развить церковную проповѣдь до надлежащей развязности и свободы человѣческаго слова. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ-то: въ гороховецкомъ, вязниковскомъ, суздальскомъ и александровскомъ, проповѣдники еще не рѣшались говорить экспромтомъ; а остальные уѣзды въ этомъ отношеніи стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Меленковскій (150 экспромтовъ), 2) Юрьевскій (139), 3) Переславской (88), 4) Судогодскій (54), 5) Ковровскій (53), 6) Покровскій (41), 7) Владимірскій (22), 8) Шуйскій (10) и 9) Муромскій (9).

Выше мы пересчитывали, сколько проповѣдывавшихъ лицъ было въ каждомъ уѣздѣ въ прошломъ году; а общее число ихъ—1306. Изъ нихъ 15 окончившихъ курсъ духовныхъ академій, 483 священника—студентовъ семинаріи, 700 не-студентовъ, 1 диаконъ студентъ, 106 диаконовъ не-студентовъ и 1 псаломщикъ студентъ. Діаконы написали 137 поученій собственнаго сочиненія и прочитали 171 по печатнымъ книжкамъ. Такимъ образомъ, по 4⁸⁰/₁₀₇ поученія падаетъ на каждого изъ нихъ. Такая незидательная цифра въ проповѣднической дѣятельности оо. діаконовъ объясняется отчасти новостью для нихъ такого дѣла (имъ прежде будто бы не дозволяли говорить); а отчасти тѣмъ, что большая часть изъ нихъ стары. По старости и отсталости не произносили многіе изъ священниковъ: 179 человѣкъ не писали своихъ проповѣдей, хотя и произносили по печатнымъ

книжкамъ; 225 не сказывали печатныхъ проповѣдей, хотя нѣкоторые изъ нихъ произносили свои.

При сравненіи проповѣднической дѣятельности (въ отношеніи количества) въ городахъ и уѣздахъ этихъ городовъ, преимущество оказывается на сторонѣ сельскихъ проповѣдниковъ.

Только г. Муромъ оказывается богаче всего уѣзда проповѣдничествомъ: въ городѣ приходится 32 проповѣди на каждого, по уѣзду 26. Такое усердіе проповѣдниковъ въ г. Муромѣ дѣлаетъ имъ честь даже предъ губерскими Владимірскими, не смотря на то, что во Владимірѣ умственные силы, по своему образованію, гораздо выше, чѣмъ въ Муромѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ: во Владимірѣ проповѣдуютъ Слово Божіе 7 лицъ изъ окончившихъ курсъ въ академіяхъ и 20 студентовъ семинаріи, не считая другихъ. Въ объясненіе этого, нелестнаго для городскихъ проповѣдниковъ вывода, послѣдніе указываютъ на слѣдующія обстоятельства.

а) Сельскій священникъ говоритъ проповѣдь исключительно къ своимъ прихожанамъ, хорошо зная ихъ нравственные недуги и потребности; слушатели его—люди болѣею частію безграмотные или малограмотные, для которыхъ слово священника замѣняетъ книгу, и потому слушается ими съ полнымъ вниманіемъ: тамъ проповѣдь имѣетъ свое значеніе. Между тѣмъ въ городской церкви собираются люди разныхъ приходоу, живущіе только по близости ея,—люди разныхъ убѣжденій и не одинаковой степени образованія: проповѣднику трудно узнать ихъ нравственное состояніе, а потому трудно и дѣйствовать на нихъ. Противъ этого можемъ сказать, что городъ, какъ и всякое, составляетъ даже въ нравственномъ отношеніи нѣчто цѣлое—единицу; между жителями одного города, хотя бы они были и разныхъ состояній, есть много общаго: одинаковыя обычаи—дурные и хорошіе, одинаковыя наклонности и пороки,—такъ что наблюдательный и внимательный къ своему дѣлу проповѣдникъ легко можетъ знать нравственные недуги и потребности своихъ согражданъ. По этому и въ городѣ церковная проповѣдь, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ имѣть надлежащее дѣйствіе на слушателей. Вотъ доказательство изъ опыта: проповѣдникъ, вовсе не имѣющій своего прихода, говоритъ проповѣдь въ соборѣ, говоритъ въ какой либо высокотожественный день, когда по преимуществу собираются сюда люди разныхъ званій и состояній, и говоритъ такъ мѣтко противъ того или другаго порока, господствующаго въ обществѣ, что его проповѣдь не только съ напряженнымъ вниманіемъ слушается въ храмѣ, но даже послѣ наперерывъ списывается этими самими слушателями, прежде чѣмъ отпечатается въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ.

б) Указываютъ также и на то, что въ городахъ дѣло проповѣдничества, если не на половину, то въ значительной мѣрѣ выполняется сельскими священниками, которые по назначенію составляютъ проповѣди и для произнесенія ихъ являются въ городъ на воскресные и праздничные дни. Такимъ образомъ, городскимъ проповѣдникамъ, по крайней мѣрѣ соборнымъ, остается проповѣдывать только по буднямъ; а въ будни много ли охотниковъ слушать проповѣдь, когда посѣтителей храма вообще бываетъ сравнительно меньше, да и тѣ изъ церкви торопятся домой къ своимъ занятіямъ? Что въ будни не найдется охотниковъ слушать проповѣдь—это одно лишь, ни на чемъ не основанное, предположеніе, которое вполне опровергается опять-таки указаніемъ ближайшаго опыта. Владимірскаго Успенскаго собора священникъ Александръ Виноградовъ взялъ себѣ за правило въ

свою череду говорить проповѣди по книжкѣ каждый день, и слушателей всегда почти набиралось столько, сколько въ иной церкви и въ праздникъ не соберется. Онъ произнесъ въ годъ до 120 проповѣдей. Значитъ, въ городахъ есть о чемъ и всегда есть для кого говорить проповѣди; а потому указанный въ нихъ сравнительный недостатокъ проповѣднической дѣятельности требуетъ иного объясненія, которое, думаемъ, во всякомъ случаѣ будетъ не въ пользу городскихъ проповѣдниковъ.

О чемъ же говорили проповѣдники? Что составляло содержаніе ихъ проповѣдей? Разумѣется одной господствующей идеи въ тридцати-пяти-тысячной массѣ проповѣдей трудно найти, да пожалуй и невозможно, отчасти по разнообразію мѣстъ, гдѣ говорились проповѣди, отчасти по различію лицъ, къ которымъ онѣ сказывались, а отчасти потому, что вообще проповѣдники, при выборѣ темы для проповѣдей, руководствовались указаніями случая, а не задавались мыслью провести во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ одну главную идею и раскрыть ее до возможной ясности. При томъ же, о содержаніи проповѣдей мы имѣемъ очень не много свѣдѣній. Одинъ только благочинный священникъ с. Свѣткова, о. Михаилъ Сокольскій, представилъ полный реестръ проповѣдей, сказанныхъ въ отчетномъ году священниками его благочинія, какъ и требовало епархіальное начальство. Другіе оо. благочинные отнеслись къ этому требованію ¹⁾ не съ такимъ вниманіемъ. Изъ представленныхъ данныхъ мы видимъ, что проповѣдывали противъ пьянства, базаровъ по воскреснымъ днямъ, противъ раскола, о милосердіи къ голодающимъ, объясняли дневное Евангеліе и т.

¹⁾ Вотъ образецъ темъ, какія выбирали священники для своихъ проповѣдей по вѣдомству означеннаго благочиннаго: О томъ, чему можетъ научить размышленіе о прожитомъ годѣ, при сравненіи его съ вѣчностью. Сравненіе дѣйствій воды съ дѣйствіями благодати Божіей. О поклоненіи св. иконамъ. О томъ, почему наши праздничныя веселія въ плачь переходятъ, и какъ этого избѣжать. О пересудахъ чужихъ дѣлъ. О томъ, какъ долженъ жить христіанинъ соответственно своему имени. О томъ, какъ Богъ помогаетъ добродѣтели и посрамляетъ злыхъ намѣренія и дѣла. О томъ, какъ можемъ мы приносить дары Иисусу Христу. О повѣркѣ прошедшей жизни. О любви Бога къ грѣшникамъ. О страшномъ судѣ Божіемъ. О молитвѣ за дара. О торжествѣ православія. О необходимости самовзученія. О томъ, какъ приблизить къ себѣ благодать Св. Духа. О воспитаніи дѣтей. О недостойномъ приготовленіи къ посту. О необходимости ходить въ храмъ Божій. О томъ, что цѣломудріе и чистота укрѣпляютъ душу и тѣло, а развратъ разстраиваетъ здоровье. (Изъ *Воскр. Бесѣдъ*). О томъ, что Богъ наказываетъ насъ большею частію для исправленія отъ грѣховъ. О чудномъ и могущественномъ храненіи отъ бѣдъ ангелами. О хожденіи на исповѣдь. О хожденіи въ храмъ. О благотворности сообщества съ людьми благочестивыми. О томъ, что пьянство разстраиваетъ какъ здоровье, такъ и матеріальное состояніе человека. О томъ, что борьба съ искушеніями привлекаетъ къ намъ Божественную помощь. О томъ, что не должно уклоняться отъ храмовъ Божіихъ за неимѣніемъ хорошей одежды. О томъ, какъ находясь въ полѣ на работѣ можно говорить и молиться Богу. О томъ, что требуется отъ насъ, чтобы Слово Божіе было въ насъ душевнспасительно. Чтобы избавиться отъ тайныхъ нападеній діавола, нужно поститься, молиться и чаще исповѣдываться свои грѣхи. О возможности спастись всякому, въ какомъ бы званіи и состояніи кто ни находился. О томъ, что мы должны дорожить каждою минутою времени. О томъ, какова должна быть радость въ Пасху, и всѣ ли мы должны радоваться. О томъ, въ чемъ состоитъ истинное счастье, гдѣ оно находится и чѣмъ пріобрѣтается. О вредѣ семейныхъ раздѣловъ. Противъ святочныхъ гаданій и перераживаній.

п.; предлагались и катихизическія бесѣды. Нѣкоторые же проповѣдники въ выборѣ темъ для проповѣдей руководились указаніями центрального цензурнаго комитета и говорили, напр. о нищенствѣ, какъ ремеслѣ, противъ самоубійства, о кулачныхъ бояхъ, о ежедневномъ говѣніи, объ обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей, о поминовеніи усопшихъ. А при чтеніи проповѣдей по печатнымъ источникамъ пользовались выборомъ изъ сборниковъ поученій московскаго общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, кievской духовной академіи, журнала Странникъ; изъ житій святыхъ, прологовъ; изъ проповѣдей Златоуста, Василя Великаго, Ефрема Сирина, Никифора Θεотоки, митрополитовъ—Григорія и Филарета, архіепископовъ—Иннокентія, Евсенія, Кирилла, Евгения, епископовъ—Путятина, Нордова, Стратилатова, Халколиванова, Субботина, Красовскаго, Боброва и др. На сколько былъ удаченъ выборъ проповѣдей и какъ дѣйствовали на слушателей проповѣдники,—свѣдѣній официальныхъ не имѣется.

Недостатки образованія, получаемого въ духовныхъ училищахъ.

Въ послѣднее время чаще и чаще слышатся извѣстія о неудовлетворительномъ состояніи не въ хозяйственномъ только, но и въ учебномъ отношеніи низшихъ духовныхъ училищъ такъ „Христ. Чтеніе“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ слѣд. интересныя мѣста изъ одной корреспонденціи „бывшаго семинариста“, помѣщенную въ „Современныхъ Извѣстіяхъ.“ „Почти половина гимназическаго курса, пишетъ онъ, приходится на долю училищъ, и притомъ половина, требующая наиболѣе основательнаго и прочнаго изученія; между тѣмъ, мы думаемъ, всякому не безъизвѣстно, до чего плохо и безтактно ведется дѣло преподаванія въ духовныхъ училищахъ. Большинство воспитанниковъ, поступающихъ въ семинарію, обнаруживаетъ крайнее невѣжество не только въ математикѣ, изъ которой многимъ едва извѣстны только четыре первыя правила ариметики, но даже въ русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ и въ географіи. Что же приходится дѣлать наставникамъ семинаріи съ такими воспитанниками, которые дѣлаютъ до 20 ошибокъ въ 5 строкахъ латинской задачи, не умѣютъ различить сѣверъ и югъ на картѣ, дѣлаютъ несчетное количество грубѣйшихъ ошибокъ противъ правописанія и т. д.? Приходится, оставивъ положенныя по программѣ занятія, прицматься за повтореніе того, что должно бы было быть твердо и основательно въ училищахъ. И дѣйствительно, въ безконечномъ повтореніи задовъ и зашиваній кое-какъ, на живую нитку, прорѣхъ предварительной подготовки въ училищахъ проходитъ весь семинарскій курсъ. Учитель исторіи, на примѣръ, сообщаетъ въ своемъ классѣ самыя элементарныя свѣдѣнія изъ географіи; учитель латинскаго и греческаго языковъ учитъ склонять и спрягать, а учитель математики объясняетъ чуть не простое счисленіе. Конечно, при такой постановкѣ дѣла невозможно успѣшное выполненіе программы самой семинаріи, и весьма понятно, что вмѣсто полнаго на примѣръ курса математики, приходится изъ алгебры до уравненія 2-й степени, изъ геометріи одна только планиметрія, изъ тригонометріи сообщаются только самыя элементарныя свѣдѣнія о тригонометрическихъ линіяхъ и нѣкоторыхъ формулахъ; въ физикѣ же вся математическая часть оставляется. Не многимъ лучше идетъ преподаваніе и всѣхъ остальныхъ предметовъ общеобразовательнаго курса. Конечно не сами на-

ставники причиною этого; многіе изъ нихъ относятся къ дѣлу съ полною любовію и усердіемъ, но ничего нельзя сдѣлать; невозможно пройти въ одинъ годъ то, на что требуется три или четыре. Есть, правда, и между воспитанниками семинаріи люди знающіе и занимающіеся, (хотя такихъ весьма не много (5—6 человекъ въ классѣ); но за то едва ли еще въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи существуетъ такой контрастъ между первымъ и послѣднимъ ученикомъ въ классѣ, какой существуетъ въ семинаріяхъ:—на сколько первый знаетъ предметъ и находитъ интересъ въ немъ, на столько же послѣдній въ немъ невѣжда и чувствуетъ къ нему полнѣйшую апатію, если не отвращеніе. Могли бы, конечно, нѣкоторымъ образомъ восполнить недостатокъ предварительной подготовки въ училищахъ хорошіе репетиторы, повторяя съ воспитанниками частнымъ образомъ и внѣ класснаго времени то, что знается ими болѣе слабо; но, къ несчастію, таковыхъ вовсе въ семинаріяхъ не существуетъ; заводимые же въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ такъ называемые надзиратели—сами изъ семинаристовъ, слѣдовательно такіе же невѣжды, какъ и ими надзираемые, и служатъ только предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ для воспитанниковъ. «Какая часть рѣчи *metet?*» спрашиваетъ напримѣръ кто нибудь изъ воспитанниковъ своего надзирателя.—«Безличныи глаголь» отвѣчаетъ тотъ.—«Какъ же онъ будетъ имѣть второе лицо?» подшучиваетъ вопросившій.—«Эхъ вы!... вовсе не подозрѣвая насмѣшекъ, упрекаетъ надзиратель своего питомца: «дотацились вы до третьяго класса, а не знаете, что безличные глаголы потому и называются безличными, что не измѣняются по лицамъ!...»

Возлагая такимъ образомъ на училище главную вину такого печальнаго состоянія науки въ семинаріяхъ, мы не хотимъ, конечно, этимъ оправдать совершенно самихъ семинарій; снять съ нихъ всякую отвѣтственность; но мы хотимъ только сказать, что даже при самомъ блестящемъ состояніи семинарій въ нихъ никогда не мыслимъ усѣбный ходъ дѣла до тѣхъ поръ, пока не будутъ совершенно преобразованы духовныи училища, пока не дадутъ имъ хорошихъ наставниковъ. Безъ этого же никакія программы, никакіе наставники не въ состояніи поднять уровень семинарскаго образованія, ибо корень всего зла въ училищахъ, и только ихъ коренное преобразование можетъ возвысить семинарію.

— *Приказъ римскаго престола объ очищеніи уніатскаго обряда отъ naleciałości od pieramiętnychъ czasów.*

Подъ д. 10 января 1862 ч. 9 (орд.) издана куррента до всего архіепископальнаго духовенства, приказующая тому же, чтобы оно при всякомъ совершеніи священнодѣйствій и отправѣ богослуженій тѣхъ самыхъ обрядовъ придерживалось, яки въ архипрестольномъ святогеоргіевскомъ храмѣ употребляются. Текущего года обнародовано сновъ архипастырское посланіе отъ 17 іюля ч. 64 (орд.), приказующее свято хранить обряды, престоломъ римскимъ затвержденные. Яки же обряды отъ апостольскаго престола затверждены и въ чемъ должно наше духовенство брати себѣ архипрестольную церковь яко образецъ, на указаніе того присланы отъ св. отца, папы римскаго, во Львовъ два свя-

щенники русско-унитскаго обряда. Они ходятъ въ ризахъ широкаго крою, имѣютъ долгое волосье, запущенныи усы и бороду. Чтобы польская клика и паши полуголовки и авансовцы въ обрядѣ нашемъ ни „шизмы“, ни измѣны цѣсарю не вѣтрили, чтобы знали, въ чемъ дѣло состоитъ, служатъ, они, съ препорученія папы римскаго, уже отъ двохъ недѣль св. литургію не только въ святогеоргіевскомъ храмѣ, но и въ костелахъ, имѣютъ фелоны широкаго, долгаго, съ переду и съ заду одинакаго крою, не переносятъ служебника, проскомидію правлять на олтарѣ, употребляютъ кошіе и цѣблю просфору, мирествуютъ и дѣлаютъ прочая ведля стариннаго устава греческой церкви. Папа римскій, ведля ученія римской церкви, есть головою всѣхъ католиковъ, есть непогрѣшимъ, имѣетъ найвысшую духовную власть, его рѣшенія въ дѣлахъ вѣры, нравственности, обрядовъ и церковной карности суть обязующими, никто не смѣетъ ему противорѣчить, а не то противодѣйствовать, слѣдовательно, наше унитское духовенство, яко должное послушаніе папѣ римскому, есть обязано, на тѣхъ отпоручниковъ римскихъ задивляться и себѣ изъ нихъ примѣръ брати, если не хочеть якой цензурѣ подпасти. Дивно намъ, для чего впр. официалъ Малиновскій запрещалъ о. Гоговскому, пароху холмскому, у насъ священнодѣйствовать, когда о. Гоговскій лишь такихъ, якъ отпоручники римскіи, придерживается обрядовъ! (Слово).

— *Отъ Редакціи.* Оо. Благочинныхъ, Настоятелей монастырей и церквей, не выславшихъ еще денегъ за Епархіяльныи Вѣдомости сего 1874 года, Редакція просить носпѣшиять высылкою таковыхъ въ непродолжительномъ времени.

Содержаніе № 38.

ПРАВИТ. РАСПОР. Высоч. повелѣніе. Указы св. Синода объ учебныхъ книгахъ. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначенія. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Пожертвованія. Освященіе церкви. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Исторія и критика римско-католическаго ученія объ индульгенціяхъ Проповѣдничество во Владимірской епархіи въ 1873 г. Недостатки образованія получаемаго въ духов. училищахъ. Приказъ римскаго папы объ очищеніи уніатскаго обряда. Отъ редакціи.

Предыдущій № сданъ на почту 15-го Сентября.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Котовичъ.